

Мудрак О.А. (Москва)

Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош

В 1799 г. в районе Торонтал Венгерской Трансильвании в селении Надь-Сент-Миклош (Великий Св. Николай) на берегу реки Ароника при рытье ямы на глубине 1,5 м был обнаружен золотой клад, состоящий из разных сосудов, собранных в железную емкость. Это семь кувшинов, одиннадцать чаш, два бокала, два кубка и рог. Сосуды украшены надписями, орнаментом, рельефными изображениями охотничьих сцен, фантастических животных. Часть сосудов снабжена надписями т.н. "восточно-европейской руникой" и греческими буквами. Одни надписи на сосудах процарапаны, другие - зачастую повторяющие первые, выбиты пунсоном и являются неотъемлемой частью орнамента сосудов. Греческие надписи встречаются на двух сосудах и сработаны ювелиром. Клад представляет собой единый сервиз с комплексом близких друг к другу надписей, связанных по характеру исполнения с орнаментом этого сервиза. Сделаны были сосуды в промежутке между V и X веком нашей эры. Подробное описание предметов было сделано Йозефом Хампелем.

Интерес представляет сосуд 21 по его нумерации. Это - круглая чаша. Внутренняя поверхность ее дна украшена диском ажурной работы, обрамленным кольцом. В кольце выбита пунсоном надпись греческими буквами на непонятном (~ аварском) языке. В центре чаши изображен кружочек. От него отходят к внешнему тонкому кольцу с надписью линии в виде спиц, края которых загнуты. Эти спицы делят круг на восемь полей, которые украшены связками ветвей, аналогичных украшающим сосуды 13-16 и 19. На внешней стороне дна чаши внутри круга, обрамленного кольцом, украшенного такими же связками ветвей, изображена сцена борьбы двух зверей: крылатый лев теснит горного козла. Край чаши так же, как и у чаши 20, несколько вогнут внутрь. Подкраем чаши проходит орнамент из листьев. Такой орнамент проходит и по внутреннему краю сосуда. К краю чаши приделана шарнирная пряжка, такая же, как у сосудов 9, 10, 20. Диаметр чаши 12 см. (HampeI, с. 44).

Надписи, выполненные руникой, пока не читаются. Вторая надпись греческими буквами сделана по-гречески. Так что это единственный сосуд, выполненный тем же ювелиром в рамках одного заказа, с более или менее отжествляемыми буквами.

Итак, текст надписи сделан по кромке внутреннего круга. Начало надписи маркировано значком вертикального внутри строчки креста. По отношению к линии пряжка - центр круга (абсциссе) крестик расположен под углом примерно 30° от центра чаши. А по отношению к поперечной линии внутреннего псевдокреста под углом 45°. Т.е. начало надписи гармонизованно с внутренним изображением. Ниже приводится данная

надпись с разбивкой на две части, традиционно поддерживаемой всеми исследователями. Слова или синтаксические группы (т.е. сочетания с клитиками) в надписи уже были отделены точками ювелиром.

БОУНЛА. ZOAPAN. TESH. DÜGETOİGH.
BOYTAOYL. ZWAPAN. TAGROGH. HTZİGH. TAİSH.

Как отмечал И. Бенцинг в 1959 г., опубликованные к тому времени попытки перевода были неудовлетворительны, из-за сомнительности всех толкований слов. Ниже приводятся переводы некоторых авторов.

По В. Томсену: "Зоапан Буйла приобрел чашу (теш, талси, тюрк. *tepsi*), эта чаша для питья (ητζ-), которая была приспособлена зоапаном Бутаулом для подвешивания" (1917 г. и 1922 г.).

Начиная с В. Томсена, практически все исследователи видят как он слово "чаша" в этих словах. Однако, это тюркское слово нуждается в комментариях. Встречается оно впервые у Махмуда Кашгарского в виде *tevsî* и значит 'поднос, небольшой узкий стол' (МК I 423) по Дж. Клонону 'поднос, поддон, стоящий на ножках'. Это караханидское культурное заимствование из монг. **tebsi* 'корыто, продолговатый поднос'. Возможно, оно же в испорченном отрывке др. уйг. маних. *tevsî kovyasi* 'его корыто и ведро' (по Дж. Клонону "his dish (trough?) and pail") касательно ловли рыбы (EDT с. 445). Начиная с XIV в. (Кодекс Куманикус) 'блюдо' и осм. XVIII в. 'небольшой поднос, называемый таџми'а'. Очень сомнительно видеть здесь то же самое название для питьевой чаши диаметром 12 см, тем более неясно бесследное исчезновение губного согласного. Связь данной монгольской основы с кит. 帖 *tiě* ср.-кит. *thiep* 'дощечка (с надписью), карта' (с династии Тан) или 牒 *dié*, ср.-кит. *diep*, др.-кит. *l(h)ēp* 'дощечка (с надписью)' со второй частью 子 *zi*, ср.-кит. *sjí*, др.-кит. *сəʔ* маловероятна.

Опять же, начиная с этого перевода авторы оперируют славянским *жупаном* (**županъ*) - административным титулом, который очень трудно отделить от *жула* 'округ; община, семья, челядь' и др. чеш. *hrán* 'господин'. Привлечение одиночного слова Махмуда Кашгарского *č/žUp/ban ~ č/žŮp/ben* 'помощник сельского старосты' (202₁₇) крайне маловероятно. В более поздних фиксациях это *čoran* со значением 'пастух, чабан', если принять этимологию Дж. Клонона (EDT с. 397-398). И тогда абсолютно неясна субституция глухой аффрикаты *č*- через *ж*- в славянских заимствованиях, а также использование греч. *ζ*- вместо *τζ*-. Или, скорее, здесь у Махмуда караханидский монголизм *žöben* от **žöb* 'правильный, верный', **žöble-* 'советоваться, совещаться, консультироваться', **žöbsi-* 'обсуждать, советоваться, договариваться', **žöbde-* id., т.е. исходной формы типа **žöben* 'советник, помощник'. Это слово, имевшее ограниченный

ареал распространения и приниженную семантику, вряд ли имеет отношение к данному случаю.

По Ст. Младенову: "Зоопан Буйла выгравировал битву (*digit, džigit* 'боец' ?), зоопан Бутаул выгравировал внутренний (ητζ-) крест" (1935 г.).

Здесь вообще сомнительно углядеть слово 'крест', тем более очень затруднительно найти общетюркский эквивалент для этого понятия, не являющийся заимствованием. Один из "зоопанов" выгравировал крест, а другой - битву, слово как бы образованное от *žegit coll. 'молодежь, джигиты, отроки' (sg. *žegin 'племянник'). От данной основы если что-либо образуется, то в лучшем случае "джигитовка", т.е. поведение как джигит, а не "битва", к тому же стоит вспомнить, что там изображена борьба грифона с архаром на другой стороне чаши, а не конный всадник как на другом сосуде, и той же рукой сделаны остальные чаши, включая орнаментацию, судя по замечаниям искусствоведов. К тому же стоит отметить, что в восточной традиции никогда не афишировались ни имя создателя, ни торговая марка производителя. Это культурный нонсенс видеть на драгоценной аристократической посуде такую позднюю западноевропейскую прозу жизни.

По Ю. Немету: "Чаша Бойла Чабана, она сделана по его заказу. Бутаул Чабан приказал сделать к ней пряжку; она есть питьевая чаша" (1932 г.). И позже с небольшой вариацией:

"Чаша Буйла Чабана, он (приказал) ее отлить; (теперь она) питьевая чаша Бутаул Чабана, который приказал приделать к ней пряжку" (1971 г.).

Пряжки имеют еще три сосуда. Неясно, почему лишь на одном из них существует данная отметка, и что это за доблесть или уникальный поступок приделать пряжку, тем более, что здесь для всех сосудов рука одного мастера. О слове "чаша" см. выше.

По М. Эрдалю: "Это Буйла Жоопан, тот кто принес чашу. Питьевую чашу, сделанную Бут Аулом Жоопаном" (1988 г.).

По С.Я. Байчорову: "Чаша Бойла Зоопана, сделана она Ботаулом, чаша для питья для окружающих Зоопана" (1989 г.).

Это вариации, повторяющие темы В. Томсена и Ю. Немета. К ним применимы уже высказанные оговорки.

По Е.А. Хелимскому с привлечением тунгусо-маньчжурской этимологии: "Базилевс сместил Буйла с (должности) жупана; Базилевс признал и надзирает над Бутаулом как (новым) жупаном".

Данный перевод выбивается из общего потока, хотя фиксация предложенного автором события уместна для какой-либо стелы в столице, а не на чаше. И базилевс,

который надзирает во время каждого акта питья над конкретным не вечным новым жупаном, так же удивителен. В данном переводе сомнительно соотнесение ζοαλαν'а с маньчж. *žoanda* 'начальник десятка' из **žōni* 'десять', тем более этот переход гласных характерен лишь для маньчжурского и отчасти чжурчженского и нанайского. Корень **iče-*, наоборот, отсутствует в маньчжурском и чжурчженском. Корень реконструируемый **žyūē-* значит 'меняться, обмениваться', а в маньчжурском он имеет вид *žuve-n* и значит 'долг'. Утверждение, что "тунг.-маньчж. **tāgragī* 'признание, признал' не вызывает никаких нареканий" (с. 272) спорно, т.к. тунг.-маньчж. корень выглядит как **tāku-* 'узнать' (маньчж. *taqa-*, нан. *tāqo-*, нег. *tak-* и лишь эвенк., эвен. *tāy-*), причем маньчж. *taqaraqū nālma* значит 'незнакомец, неизвестный человек' (ССТМЯ II, с. 149). Сравнение с *τεσι, ταισι* в значении 'царь' с тунг.-маньч. **tege-* 'сесть' также маловероятно. Образование с помощью аффикса *-si* имени деятеля, характерно лишь для маньчжурского, в других языках - *-čī, -čū*. Это однозначно указывает на соответствие **-šī*, причем особый спирантный рефлекс характерен для позднего маньчжурского, в чжурчженском и других языках - аффриката. Этот корень не имеет семантической коннотации с 'сидеть на троне', наоборот, в маньчжурском одно из значений 'соять на коленях' (ССТМЯ II, с. 226). Тунгусское **tegemēr* 'царь' (одна из номинаций русского царя) не связано с этим глаголом, но соотносится с *tegēme-sel* pl. 'чужой народ, иноплеменники', *tegēmēlčē* 'каждый народ, каждый род' и далее с тунг. **tegē ~ *tebē* 'чужой народ, чужеземец' (ССТМЯ II, с. 226). В свое время Е.А. Хелимский подавал этот материал на Ностратическом семинаре им. В.М. Иллич-Свитыча, как образец шутовой этимологизации памятника на неизвестном языке из ограниченного числа слов.

При попытке перевода надписи на чаше из "клада Атиллы" главной предпосылкой являлась адекватность писавшего и уместность текста на драгоценной чаше из царского клада. Оказалось, что довольно сносно данный текст читается, если исходить из болгарской языковой принадлежности.

Ниже дается транслитерация надписи с использованием орфографии, практически аналогичной орфографии дунайско-болгарской Преславской надписи. Знаки ω "омега" и о "омикрон" здесь трактуются как графические варианты, в Преславской надписи использовалась только ω "омега" (возможно "омега" предпочтительна для конца слова, т.е. "конечная буква"). Для передачи *i* здесь как и в Преславской надписи используется η "эта". Диграфы αι "альфа-йота" и ои "омикрон-йота", неотмеченные в Преславской надписи, будут транскрибированы как открытый *ε* и *ō*, тем более, что употребление ι "йоты" характерно лишь для диграфов, т.е. это вспомогательный элемент (ср. южнославянскую кириллицу). Диграф оу передает *u*, а оу передает особый неогубленный переднерядный звук, отличный от *i*, который как и в Преславской надписи обозначен через *ī*. Вполне вероятно, что в греческом того времени уже были неразличимы *ε* и αι, совпавшие в *e*. Знак γ "гамма" используется для передачи звонкого заднеязычного

спиранта, обозначенного через *G*. Для передачи аффрикат *ǰ* и *ǰ'* используются *ǰ* и *ǰ'* соответственно. Знак *δ* "дельта" передан как *ǰ* (по аналогии с передачей тюркского названия реки Яик как *δαικος*, с передачей фонетики одного из кыпчакских языков). Раскрывающихся дифтонгов нет, - это граница слов.

buila. ǰo apan. tesi. ǰiGetöGi.
buta ul. ǰō apan. taGroGi. iǰiGi. tesi.

Ниже идет пословный разбор слов и их этимологий.

buila (с закономерным отражением пратюрк. *o как *-u-*, Преславская надпись *tul-ǰi* 'наполнил, завершил') - тюрк. *bojla* 'наследственный аристократ, правитель типа князя', фиксируется с древнетюркских орхонских рунических надписей: *bujla baya tarqan* (Тон., БК) (> слав. *bol'a-re*).

ǰo, ǰō - указательное местоимение конкретное "этот" - чув. *ǰav̄* ~ станд. тюрк. *ǰo с нетривиальным согласным в анлаутной позиции. Исторически отражение праалтайского начального латерала. В чувашском следующее противопоставление указательных местоимений: *ku, kǰv̄* 'этот рядом, конкретный', *ǰav̄* 'этот, тот, анафорическое', *vǰl̄* 'тот, оный'.

apa-n instr. - чув. *ǰp-i-n* 3sg. instr. 'значит, итак, следовательно, стало быть' ~ пратюрк. *ǰp 'направление, сторона, лад, гармония, соответствие, случай (удобный)', сочинит. союз при отрицании "ни..., ни...", *ǰp-liy 'удобный, сподручный'. В данном сочетании *ǰō apa-n* полностью соответствует чувашской конструкции *ǰp-i-n* < "арь-ə-n с вынесением указательного показателя 3 лица и заменой его указательным конкретным местоимением. Т.е. здесь "в таком случае, следовательно". Чувашский отражает пратюркский конечный редуцированный, это видно из морфонологического чередования. При отсутствии конечного гласного было бы *"abən* с переломом ряда и озвончением согласного. Конечный заднерядный редуцированный передан в памятнике как полный гласный *a*, что соответствует орфографии Преславского памятника.

tesi, tesi - чув. *te-ze* ger. 'говоря, называя', показатель косвенной речи = "как говорится, -де, дескать". Это полный аналог станд. тюрк. *de-p с показателем, выполняющим функцию стандартного **-p*, и соответствием пратюрк. односложному глаголу на гласный **de-j-*. (*-j-* выполнял функцию заполнения зияния в глаголе, поэтому в чув. с упреждением *te-* ("ta-j-), а не "ta-.

-si показатель перфектного деепричастия - чув. *-za/-sa*. В станд. тюрк. аналог **-p*.

ǰiGetö-Gi (imperat.) - станд. тюрк. **ǰeyet-* 'превосходить, побеждать, прославляться' (ТТ, Ман., МК, Сув.), 'улучшить, возвысить (например, презренное имя)'. Образование от пратюрк. **ǰey-* чув. *ǰij*. В современном чувашском только остатки возвратной глагольной основы в *ǰijən-* (*ǰijənǰex* 'сверх того') с узким (!) гласным. В Преславской надписи

единственным соответствием для аналогичного *i* является пратюрк. **e*, дающий *i* в литературном чувашском. (В непервых слогах *-o-* в Преславской надписи соответствует чувашским редуцированным). Здесь, возможно, таким образом передача редуцированного переднего ряда. Индифферентный ранне-чув. *-fi-* (позже перешедший в *-v-* или *-j-* в зависимости от окружения гласных) здесь передается через *-G-*. Начальный *ž-* вместо *z-* также объясним из исторической чувашской фонетики. Дело в том, что в чувашском происходила историческая палатализация аффрикат (как и дентальных) и старый **(-)č-* давал *(-)č-* перед гласными **i*, **j*, **e*. По всей видимости в этой ветви болгар правила этой палатализации распространялись и на продолжение старой звонкой аффрикаты, соответствующей станд. тюрк. **j-*, и **ž-* давал *ž-* в немаркированной позиции и *ž-* ~ *ž-* в позиции палатализации перед указанными гласными. Данная словоформа представляет собой императив с усилительным показателем понуждения к действию.

-Gi усиление при императиве 2sg. - чув. клитика *-ya* ~ станд. тюрк. **-yŋ(n)*, **-yŋ(l)* id. Как и в показателе перфектного деепричастия в памятнике *-i* соответствует чув. *-a*, причем, в чувашском явно вторичное расширение гласного.

buta 'чаша' - станд. тюрк. **bota* 'сосуд, чаша, тигель' (чагат., узб. *bota*, кирг. (юж.) *pota*, есть перс. *bota* с тем же значением). В чувашском не отмечено. Отражение пратюрк. **o* через *u* как в Преславской надписи, где *tul-čī* 'исполнил, наполнил' при пратюрк. **dōl-*.

ul как клитика - чув. *vŷl* местоимение 3sg. ~ станд. тюрк. **ol*. Типичная конструкция типа "(Вот) дерево есть": *jivŷs vŷl* для современного чувашского языка и станд. тюрк. *ayač ol*, особенно в средневековых памятниках.

taGro-Gi (imperat.) 'опрокинуть, перевернуть и положить' - чув. *tavŷr-* / *tavŷ-* ~ станд. тюрк. **deyir-*. Здесь отражение пратюркского **-e-* через *-a-* как в чувашском и Преславской надписи. Индифферентный ранне-чув. *-fi-* (позже перешедший в *-v-*) передается через *-G-* как и в случае *žīGetō-Gi*.

ičī-Gi (imperat.) 'пить, выпить' - чув. *əś-* ~ станд. тюрк. **ič-* id. Как в Преславской надписи через *i-* передается пратюрк. **i-*, соответствующий чув. *ə* (*žit* 'семь', *ičirGon* 'усердно работавший'). Второй редуцированный (автоматический здесь передан через *ι* "йоту"). Возможно это орфографический прием.

В целом, надпись вдоль кружка чаши из аварского, по мнению большинства археологов, клада читается по принципам греческой орфографии Дунайских Булгар, отражает типичную фонетику и грамматику, присущую болгарской ветви тюркских языков и представляет собой ожидаемую здравицу:

"Если князь, то в таком случае, как говорится, прославься!

А вот - чаша, то в таком случае, опрокинь и выпей!, как говорится!"

или

"Князь, следовательно, так сказать, веди себя достойно! (~ прославься!)
А вот - чаша, следовательно, опрокинь и выпей, так сказать."

По чувашски это бы звучало так:

*Pul'ε eppin (~ s'āv ab'yn) teze *s'ijət-xa!
*puta v'ɫ eppin (~ s'āv ab'yn) tav'yr-ya, əs'-xe teze.

Думается вполне логичным считать, что аварский язык является одним из болгарских диалектов, имеющим характерную именно болгарскую фонетику и морфологию. Судя по всему огромное количество болгаризмов в венгерском языке не является плодом мимолетного контакта во время переселения венгров на новую родину, а представляет собой отражение аварского субстрата в Трансильвании и Паннонии. Ведь с VI по начало IX века на этих территориях находился основной домен Аварского каганата. Исчезнувшее "аки обры" кочевое население основного этноса просто влилось в новую общность кочевников венгров и оставило более сотни слов на протяжении постепенной ассимиляции. Не случайно в венгерском отмечается слово *polgár* 'гражданин'. Слово фиксируется с самых ранних памятников: 1229/ 1550 "de villa *Pulgar*", 1234/ 1243 *Palgar*, 1292 *Polgaar*, 1329 *Palagar*, 1332-7 *Polkar*, *Pulkar*, 1372/ 1448 *polgarok*, и т.д., один раз отмечается в 1574 *porgarokkal* с двумя *-r-*. Для этого слова отмечаются значения 'горожанин, гражданин', а также под 1445, 1525, 1640 гг. 'богохульник', под 1740 г. 'сельский слуга, гайдук', 'младший судья (судебный пристав?)', под 1774 г. 'сельский землевладелец, хозяин'. Традиционная этимология связывает это слово с нем. *Bürger* 'горожанин' (MNETSz II, с. 242-243). Но для этого следует предположить нетривиальную диссимиляцию сонантов, нетривиальное оглушение начального согласного и непонятный переход в задний сингармонистический ряд. Всего этого можно избежать при сравнении данного слога с этнонимом *bulgar* и переосмыслением этнонима как слова, обозначающего социальный статус. Становится объяснимым и разброс фиксируемых значений. Надо отметить, что в венгерском нет своего исконного начального *p-*, но часть исторических болгаризмов адаптируется именно с этим согласным (ср. также венг. *rici(ke)* 'крошечный, малюсенький' - чув. *рэ́жэ́к*, венг. *rólya* 'конверт, бинт, пленка' - чув. *pjjele* 'пеленать', венг. *por* 'пыль, порошок' - чув. *рог(ъ)* 'мел', *rete* 'яйцеклетка, яичко' - *рэдэ* 'беременная, стельная' и некоторые др.). Кроме того первый Аварский правитель носил имя *полов-*, в греческой передаче с начальным *p-*. Это имя связано с чув. (~ болгарским) *pojan* 'богач, богатей, богатый' при станд. тюрк. **bāj* без всякого аффикса. Т.е. это тоже болгарское слово. Кроме того часть старых болгарских заимствований имеют начальный *p-* в славянских языках: *pirogъ* ~ станд. тюрк. **bövrek*, чув. *püre-meç* 'ватрушка, пирог с открытой начинкой', *pa-pyrtъ* 'входное помещение храма' ~ чув. *pürt* (сев.-зап. *pört*) 'дом,

изба', станд. тюрк. **barq, piruka* (польск. *pieruka*) 'парик, накладные волосы, прическа', итал. *pergussa, raggussa* ~ станд. тюрк. **bör(ü)k* 'шапка'. По-видимому, это следы болгарского ареального развития начального губного в части позиций.

Некоторая необходимая литература

EDT, Clauson G., *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*, Oxford 1972, The Clarendon Press.

Erdal M. The Turcic Nagy-Szent-Miklós inscription in Greec letters // АОН 1988. 42 (pp. 221-234).

Hampel J. *Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklos sogenannter "Schatz dez Atilla"*, Budapest 1885.

MNETSz, *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*, III-dik kötet, Budapest 1976, Akadémiai kiadó.

Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы, Ставрополь 1989, Ставропольское книжное изд-во.

Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских булгар (пер. с нем. Benzing J. *Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabolgarische (Sprachreste)*., PhTF. Т. 1, 1959), в сб. *Зарубежная тюркология*, вып. I, *Древние тюркские языки и литературы*, Москва 1986, Наука.

Древнетюркский словарь, Ленинград 1969, Наука.

Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка, Москва 1976, Наука.

Мудрак О.А. Заметки о языке и культуре дунайских булгар, сб. *Аспекты компаративистики 1, Orientalia et Classica, Труды ИВКиА*, вып. VI, Москва 2005, РГГУ.

Мудрак О.А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. Опыт реконструкции и интерпретации, Москва 1993.

Мудрак О.А. К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке, в сб. *Вопросы чувашской фонетики и морфологии*, Труды НИИ ЯЛИЭ, Чебоксары 1987.

Мудрак О.А. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке, в сб. *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*, ч.1, ИВ АН СССР, Москва 1989.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка, Москва 2006, Наука.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции, Москва 2002, Наука.

ССТМЯ, *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*, т. I, II Ленинград 1975, 1977, Наука.

Хелимский Е.А. On probable Tungu-Manchurian origin of the Buyla inscription from

Nagy-Szent-Miklós, в сб. Е.А. Хелимский, Компаративистика, Уралистика (лекции и статьи), Москва 2000, Языки русской культуры.

Чӱвашла-Вырӑсла Словарь, Москва 1985, Русский язык.